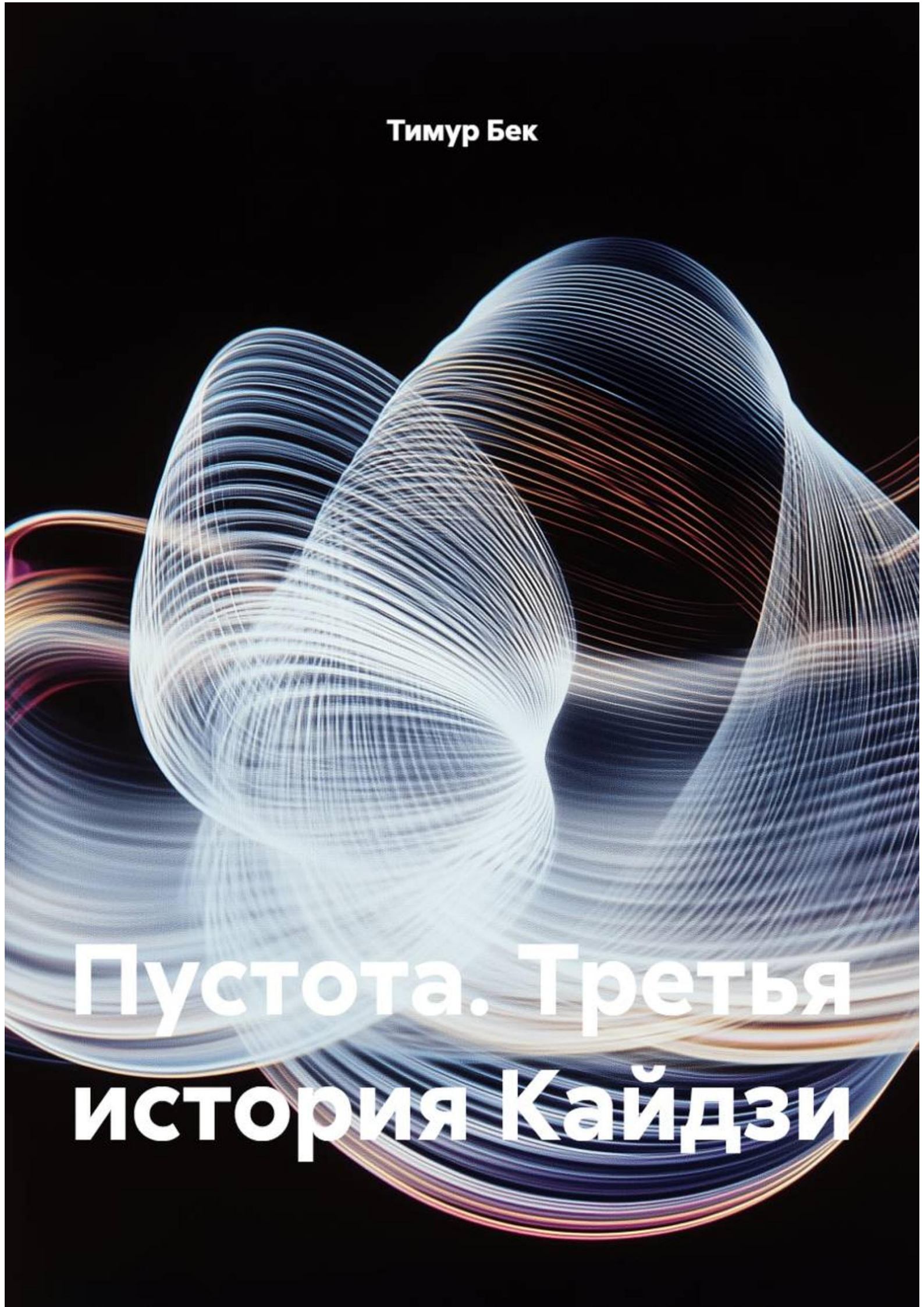

Тимур Бек

Пустота. Третья история Кайдзи

Тимур Бек

Пустота. Третья история Кайдзи

«Автор»

2026

Бек Т.

Пустота. Третья история Кайдзи / Т. Бек — «Автор», 2026

Нож «Пустота» — это не просто оружие, это жадный гость, который сначала просит силы, а в конце — душу. Рассказ повествует о внутренней борьбе ронина. Кайдзи пытается заглушить зов меча ритмичным стуком плотницкого молотка, но магия льда оставляет за ним след из инея даже в разгар лета. Встреча с загадочным монахом открывает герою истину: время трескается под его ногами, и единственный способ остановить холод — дойти до врат мертвых. Это история о поиске тишины в мире, где сталь умеет говорить.

© Бек Т., 2026

© Автор, 2026

Тимур Бек

Пустота. Третья история Кайдзи

ПУСТОТА.

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ КАЙДЗИ

Глава I

Прошло три луны с тех пор, как лед в тронном зале Касуми растаял, но я до сих пор чувствую его в своих жилах. «Пустота» на моем поясе больше не поет – она шепчет. И этот шепот с каждым днем становится все громче, вытесняя звуки дождя, шелест бамбука и даже биение моего собственного сердца.

Мацудайра долго не хотел отпускать меня. Он сулил мне чин начальника личной гвардии, поместье у реки и право носить его родовой герб, но я лишь качал головой. Служба – это новые приказы, новые враги и новые смерти, а мне нужна была тишина, в которой я надеялся заглушить голос ножа. В итоге мы заключили негласный уговор: я ухожу, сохранив за собой статус «вольного меча» на службе клана, но обязуюсь явиться по первому его зову. Оставив за спиной блеск Туманного замка, я ушел на юг, в глухую деревню Хикари, затерянную среди рисовых чеков и сосновых рощ.

Здесь никто не знает меня как Кайдзи-ронина. Для местных крестьян я просто неразговорчивый путник, который ищет покоя. Чтобы не привлекать внимания и заработать на чашку риса, я выбрал жизнь простого труженика. Плотницкое дело стало моим спасением. В работе с деревом есть своя, тихая правда: если меч создан, чтобы разделять, то долото и рубанок – чтобы соединять и созидать. Мои руки, прежде знавшие лишь холодную сталь и шершавую кожу рукояти, быстро привыкли к теплу кедра и податливости сосны.

Местные поначалу косились на мои мозоли – они не были похожи на крестьянские, – но когда я за один световой день перекрыл крышу вдове О-Мицу, вопросы отпали сами собой. Теперь я целыми днями пропадаю на стройках: латаю стены амбаров, которые покосились от времени, или возвожу новые каркасы для хижин.

Особое утешение я нахожу в вырезании наличников. Когда я веду резцом по дереву, создавая сложные узоры, шепот «Пустоты» затихает. В эти мгновения я не убийца и не инструмент большой политики. Я – просто мастер, чья работа защищает людей от дождя и ветра. Ритмичный стук молотка заменяет мне барабаны войны, а запах свежей стружки вытесняет из памяти едкий запах гари.

Но по вечерам, когда я опускаю инструменты и тишина сельской ночи окутывает мою лачугу, воспоминания просачиваются сквозь щели, как холодный туман.

Я вижу лицо однорукого Сато и, конечно, Като. Мой верный соратник, который тогда, на балконе, сжимал мое предплечье в знак братства. Интересно, носит ли он сейчас шелковые одежды чиновника или его сердце всё так же тоскует по весу доспехов?

И О-Рин. Иногда мне кажется, что я вижу её силуэт в тени раскидистой ивы у ручья. Я вспоминаю её не как племянницу Сёгуна, а как ту дерзкую наемницу, что прикрывала мне спину в шахтах.

Я посмотрел на свои ладони. Под слоем древесной пыли они всё еще были смертоносными. Мирная жизнь плотника была лишь временным затишьем перед бурей, которую я сам нес на своем поясе.

Как-то раз в Знойный полдень я стоял на козлах у амбара старосты, подгоняя пазы тяжелого соснового бруса. Рубанок шел гладко, снимая тонкую, почти прозрачную стружку, и этот монотонный звук был единственным, что удерживало меня в настоящем.

Резкий крик со стороны рыночной площади разрезал тишину, как бритва. Я замер. Шепот «Пустоты» на поясе тут же отозвался колючим холодом, словно нож почуял близость чужой ярости.

Я медленно выпрямился на козлах, всматриваясь в облако пыли, поднявшееся над главной дорогой. Спокойствие деревни, которое я так бережно выстраивал три месяца, рассыпалось в одно мгновение. Грохот копыт и бряцание доспехов приближались, внося в мирный стрекот цикад чужеродный, металлический ритм войны. Деревенские псы, еще минуту назад лениво дремавшие в тени, зашлись в надрывном лае и попятились к подворьям. В воздухе отчетливо запахло дорожной гарью и властью, которая никогда не приходит с добрыми намерениями.

В деревню прибыл отряд. Пятеро самураев в пыльных кафтанах с гербами провинциального казначея и сутулый чиновник, разворачивающий налоговые свитки. Они остановились прямо у дома вдовы О-Мицу.

– Этот дом перекрыт свежим кедром, – визгливо прокричал сборщик, тыча пальцем в крышу, которую я закончил неделю назад. – У вдовы нашлись средства на плотника, но нет ни мешка риса для господина? Это укрывательство излишков!

Один из самураев, коренастый мужчина с рябым лицом и плохо выбритым затылком, шагнул к О-Мицу. Она сжалась у порога, прижимая к груди пустую корзину:

– Господин, это добрый человек помог мне за миску похлебки... – пролепетала она.

Самурай не дослушал. Он схватил её за шиворот и рывком вытащил на середину улицы:

– Врешь, старая крыса. Плотники нынче дорого стоят. Либо ты отдашь рис, либо мы заберем твой дом в счет недоимки.

Староста и двое крепких парней из местных попытались подойти ближе, их лица были бледны от страха, но в глазах читалось отчаяние. – Смилуйтесь, господин! – воскликнул староста, кланяясь так низко, что коснулся лбом пыли. – У неё ничего нет, кроме этой крыши!

Рябой самурай, не оборачиваясь, ударил одного из парней рукоятью меча в живот, а затем с силой толкнул О-Мицу в грязь:

– Еще одно слово, и я сожгу это селение как гнездо мятежников, – лениво произнес он, кладя ладонь на гарду меча.

Я прыгнул с козлов. В руке у меня остался плотницкий топорик – тяжелый, надежный инструмент из хорошей стали. Я чувствовал, как пот течет по спине, становясь ледяным. В голове пронеслись слова Даймё, лицо Като, обещание тишины... Если я вмешаюсь, Хикари перестанет быть моим убежищем. Мои посиневшие пальцы и манера боя выдадут меня в первую же секунду.

Самурай занес ногу, чтобы пнуть О-Мицу.

Я сделал шаг вперед. Плотницкая куртка была распахнута, и «Пустота», обернутая в черный шелк, казалась просто тяжелым свертком на поясе бедного ремесленника. Но внутри меня всё уже замерзло.

– Эй, господин, – мой голос прозвучал непривычно громко, и в нем не было крестьянского подобострастия. – Вы ошиблись. Кедр на этой крыше – это гнилой сухостой, который я подобрал в лесу. За него не платят рисом.

Рябой медленно обернулся. Его глаза сузились, изучая мою осанку – слишком прямую для того, кто всю жизнь гнул спину на полях. – И кто ты такой, чтобы поправлять слуг закона, древогрыз?

– Я тот, кто строил этот дом, – ответил я, перехватывая топорик поудобнее. – И я очень не люблю, когда ломают мою работу.

Воздух между нами вдруг стал густым и холодным, хотя солнце продолжало палить. Самурай за спиной чиновника подобрался, почуяв неладное.

Сборщик налогов, почуяв, как обычный сбор недоимок принимает опасный оборот, засуетился. Его лицо, еще минуту назад надменное, пошло пятнами, а свиток в дрожащих руках зашуршал, как сухая листва:

– Господин Иноуэ, – пролепетал он, хватая рябого самурая за локоть, – прошу вас... Простой плотник не стоит вашего гнева. Мы просто заберем рис и пойдем дальше. В реестре еще три подворья! Смерть черни в такой час только добавит бумажной волокиты...

Но рябой даже не шелохнулся. Он стряхнул руку чиновника с таким видом, будто на его доспех села назойливая муха. Его взгляд, тяжелый и мутный, был прикован к моим ладоням. Он был из тех псов войны, которые живут ради запаха страха, и сейчас он чувствовал, что перед ним не просто крестьянин. Чиновник продолжал что-то лепетать о налогах и указах, но самурай уже не слышал его. Для него мир сузился до кончика моего топора и того странного холода, что волнами исходил от моей фигуры, заставляя его собственную сталь в ножнах едва слышно вибрировать.

– Иноуэ-сан! Умоляю! – чиновник уже почти визжал, задыхаясь от собственной трусости и пыли. – У нас приказ казначея – собрать недоимки в срок, а не ввязываться в драку с безумными лесорубами. Если вы убьете его здесь, нам придется вызывать дознавателей, это задержит нас на неделю! Оставьте его, мы заберем рис у мельника, он покроет долг вдовы. Идемте же!

Самурай медленно, почти через силу, отвел взгляд от моих глаз. Напряжение, вибрировавшее в воздухе, немного спало, но холод «Пустоты» на моем поясе все еще покалывал кожу. Иноуэ неохотно убрал руку с рукояти меча и сделал шаг назад, давая понять, что на этот раз кровопролития не будет.

Он сплюнул в пыль у моих ног и, уже разворачиваясь к коню, бросил через плечо:

– Ты хорошо прячешься за запахом сосновой стружки, плотник. Наслаждайся тишиной, пока можешь. Скоро ветер переменится, и тогда мы договорим.

Я молча смотрел, как они уезжают. Вдова О-Мицу все еще дрожала на земле, а топорик в моей руке казался тяжелым, как могильная плита. Иноуэ был прав. Ветер уже переменился.

Глава II

Вечер опустился на Хикари быстро, принеся с собой не прохладу, а тяжелую, душную тишину. Цикады надрывались в бамбуковой роще, перекрывая все остальные звуки. Где-то вдали, со стороны болот, уныло затянули свою песню лягушки, а сухая ветка старой сосны над крышей жалобно скрипнула под налетевшим порывом ветра. Природа словно затаила дыхание, ожидая грозы, которая никак не могла начаться.

В своей хижине я не зажигал огня. Мне хватало бледного света луны, пробивавшегося сквозь щели в бамбуковых стенах. Я сидел на циновке, собирая свои скудные пожитки: сменное кимоно, точильный камень и сухари. На самом дне дорожного мешка, бережно укрытая ветошью, лежала «Пустота». Нож молчал, но я чувствовал, как от него исходит едва уловимая вибрация. Рядом с мешком лежал мой верный плотницкий топор – тяжелый, с рукоятью из старого дуба, которую я сам вытесал и отполировал до блеска. Я на мгновение замешкался, глядя на него, но всё же закрепил его на поясе с другой стороны от ножа. Оставлять здесь инструмент было бы глупо: в горах хороший топор стоит десятка мечей.

Остаться здесь значило подставить под удар каждого, кто здоровался со мной по утрам.

Тихий, нерешительный стук в дверь заставил меня замереть. Рука сама собой легла на рукоять плотницкого топора.

Я поднялся и рывком отодвинул скрипучую дверь.

На пороге стояли вдова О-Мицу и староста. Старик держал в руках небольшой узелок, от которого исходил аромат свежих рисовых лепешек, а О-Мицу низко кланялась, не смея поднять глаз.

– Господин плотник... – начал староста, его голос дрожал от волнения. – Мы пришли поблагодарить вас. Если бы не ваша смелость, Иноуэ-сан не остановился бы. Вы спасли О-Мицу, и вы спасли честь нашей деревни. Вот, примите этот скромный дар...

Он замолчал, заглянув мне через плечо. Его взгляд упал на собранный дорожный мешок и свернутый футон. Улыбка медленно сошла с его лица.

– Вы... вы уходите? – прошептала О-Мицу, и в её голосе было столько непритворной горечи, что у меня на мгновение защемило в груди. – Но почему? Разве мы чем-то обидели вас?

– Господин мастер, – староста впервые назвал меня по имени, которое я почти успел забыть в этой глуши. – Оставайтесь. Деревня защитит вас. Мы скажем, что вы уехали в город за инструментами, если Иноуэ вернется. Вы стали для нас своим. Нам нужны такие люди, как вы.

Я посмотрел на них – на их натруженные руки, на морщинистые лица, полные надежды и искренней доброты. Три месяца они были моей семьей, хотя и не знали об этом.

– Именно поэтому я и ухожу, – тихо ответил я, закидывая мешок за плечо. – Я знаю таких людей. Иноуэ – не тот человек, который забывает обиды. Он почувствовал во мне то, чего вы не видите, и он вернется не за рисом, а за моей головой.

Я шагнул за порог, аккуратно закрывая за собой дверь своей несостоявшейся мирной жизни.

– Если я останусь, Хикари сгорит дотла только ради того, чтобы выкурить меня из норы. Я не хочу, чтобы из-за меня в деревню пришла беда. Вы дали мне три месяца покоя, и это больше, чем я заслуживаю.

Я поклонился им – глубоко и искренне, как кланяются равным:

– Прощайте. Постарайтесь забыть, что в вашей деревне когда-то жил плотник.

Я повернулся и зашагал прочь по узкой тропе, ведущей к южным перевалам. Я не оборачивался, но кожей чувствовал их взгляды, провожающие меня в темноту. Ветер действительно переменился. Он стал колючим и пах снегом, хотя до зимы было еще далеко.

Тропа вилась серой лентой между вековых кривых сосен, уходя все выше в предгорья. Деревня Хикари растворилась в ночном тумане, оставив после себя лишь едва различимый отблеск далекого сторожевого костра и горьковатый привкус прощания.

Ночь навалилась внезапно, тяжелая и непроглядная. Странно, но чем дальше я уходил от жилья, тем сильнее кусался мороз. Это не был обычный ночной холод раннего лета – воздух вокруг меня становился колючим, а иней, вопреки всякой логике, начинал серебриться на иглах сосен, мимо которых я проходил. «Пустота» на моем поясе, казалось, тянула из меня последние капли тепла, заставляя суставы ныть, а дыхание вырываться из груди белыми облачками пара.

Когда тьма стала такой густой, что я перестал различать собственные пальцы, я решил сделать привал. Сил идти дальше не оставалось – ноги налились свинцом, а перед глазами начали плясать темные пятна.

Я свернул с тропы в небольшую лощину, защищенную от ветра нависшей скалой.

С трудом разгребя опавшую хвою, я собрал немного сухого валежника. Пальцы почти не слушались, когда я высекал искру. Огонь занялся неохотно, крохотный язычок пламени робко лизал веточки, борясь с неестественной стужей, которую я принес с собой.

Я сел у костра, плотнее запахнув куртку плотника. Тепло огня согревало. Я смотрел на пламя и чувствовал, как усталость наконец берет свое. В голове снова начали всплывать обрывки прошлого: лицо О-Рин в полумраке шахт, суровый взгляд Като и однорукий Сато, чей голос до сих пор звучал в моих ушах.

Я закрыл глаза всего на мгновение, прислушиваясь к треску сучьев. Но в этом треске мне вдруг послышался иной звук – едва уловимый хруст подмерзшей ветки где-то совсем рядом, за кругом света от моего костра.

Звук повторился – сухой, короткий шелчок, который не спутаешь с падением шишки. Кто-то подобрался к самому краю круга света, там, где тени от сосен плясали на скалах.

Я не шевельнулся. Дыхание осталось ровным, тяжелым, как у человека, провалившегося в глубокий сон от изнеможения. Глаза были прикрыты, но сквозь щелочки ресниц я видел, как подрагивает пламя костра. Под курткой мои мышцы превратились в натянутые струны. Ладонь, скрытая складками ткани, медленно, на долю дюйма в секунду, ползла к рукояти плотницкого топора, лежавшего рядом на хвое.

Из темноты вынырнули три тени. Это не были самураи Иноуэ – те держались бы иначе, с горделивой осанкой и звоном доспехов. Эти двигались пригнувшись, бесшумно, как лесные крысы. Оборванные кафтаны, грязные повязки на головах и разношерстное оружие: у одного ржавый нагината, у двоих других – дешевые короткие мечи, изъеденные зубринами. Обычные лесные разбойники, промышляющие на горных тропах.

– Глянь, – прошептал тот, что был с нагинатой, кивая на мой дорожный мешок. – Видно, справный плотник. Мешок тугой, одежда крепкая.

– И топор добрый, – отозвался второй, жадно глядя на сталь, поблескивавшую в свете углей. – За такой в городе дадут пять мешков риса.

Они замерли в паре шагов от меня. Холод, исходящий от «Пустоты», окутал их, но в своем азарте они приняли его за обычную ночную прохладу предгорий.

– Погоди, – третий разбойник, самый низкий, подозрительно прищурился. – Чего это иней на соснах? Лето же... И смотри, у него пальцы синие. Мертвяк, что ли?

– Да какой мертвяк, спит он, – огрызнулся верзила с нагинатой. – Кончай его быстро, пока не проснулся. Тюкни по затылку, и дело с концом.

Он занес свое тяжелое оружие для удара. Я чувствовал запах их немых тел и дешевого сакэ. В этот миг «Пустота» на моем поясе ледяным уколом отозвалась в бедре, словно требуя крови. Но я всё еще сжимал топориче. Плотницкий инструмент – это всё, что отделяло меня сейчас от того, чтобы снова стать Кайдзи-убийцей.

Верзила шагнул вперед, тень от его нагинаты накрыла мое лицо. Металл зловеще блеснул в свете затухающих углей, и в воздухе повис свист падающего лезвия.

В долю секунды, когда сталь должна была рассечь мой череп, я просто перекатился. Не рывком воина, а мягким, текучим движением, словно неловко повернулся во сне. Нагината с глухим стуком вонзилась в мерзлую землю в дюйме от моего плеча.

– Промазал, дубина! – прошипел низкий разбойник, выхватывая свой зазубренный нож. – Вставай, плотник, пришел твой час!

Я поднялся на ноги, нарочито пошатываясь, будто спросонья. Вид у меня был жалкий: заспанный ремесленник с тяжелым плотницким топором в руках, который он держит слишком неумело.

– Господа... – пробормотал я, пятясь к скале. – Забирайте мешок, там только сухари и старая рубаха. Не губите душу!

– Мешок мы и так возьмем, и голову твою в придачу! – взревел верзила, вырывая нагинату из земли.

Началась странная пляска. Разбойники нападали разом, яростно и беспорядочно. Я уверачивался в самый последний момент: лезвие меча разрезало воздух там, где только что была моя грудь; нагината пролетала над головой, едва не задевая волосы. Со стороны это выглядело как чудо или невероятное везение неуклюжего бедолаги. Я спотыкался о корни, тяжело дышал и махал топором так широко и бестолково, что разбойники только подзадоривали друг друга хохотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.